

**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ**

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

ЗЕРКАЛО СНОВИДЕНИЙ



Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован городской пейзаж
«На Сенатской площади. Зима.» (2018г.)
художника *Олега Ильдюкова*.

- Вербинина, Валерия.**
В31 Зеркало сновидений / Валерия Вербинина. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Новые
петербургские тайны).

ISBN 978-5-04-098481-7

Тайный агент российского императора баронесса Амалия Корф вместе с напарником Сергеем Ломовым ожидала приказа отправиться на новое дело государственной важности. Партнеры проводили время в фехтовальных тренировках и ментальных спаррингах. После похода в гости к своему старому знакомому, Базилю Истрину, Ломов, скептически посмеиваясь, рассказал Амалии о том, что накануне двум молодым людям, Арсению Истрину и Ольге Левашевой, приснился один и тот же сон. Амалия высмеяла эту историю, однако вскоре сон в точности воплотился в реальности — был обнаружен труп Лизы, сестры Ольги. Теперь уже Амалия, циник и реалист, всерьез заинтересовалась этим делом и самостоятельно взялась за расследование...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2018 г.
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2018 г.
© Оформление.

ISBN 978-5-04-098481-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2018



Глава 1

Тетушка

Сергей Васильевич Ломов терпеть не мог светской жизни. Его раздражала необходимость одеваться каким-то особенным образом, чтобы выглядеть *comme il faut*¹. Он досадовал, что ему приходится отложить другие — всегда более важные и интересные — дела и рассчитывать время, чтобы не явиться слишком рано или, напротив, не причинить неудобств своим опозданием. Мысль, что во время званого вечера надо будет соблюдать тысячу условностей, без которых он бы прекрасно обошелся, также не добавляла оптимизма. Развлечения, которые обещали хозяева, заманивая гостей, его тоже мало прельщали: он был равнодушен к музыкальным номерам, а также фокусникам, предсказателям и литераторам, талантами которых приличные люди обыкновенно угощают собравшихся, как десертом. Некоторые, как известно, ходят по гостям с целью набить себе желудок, но, хотя Ломов ценил хорошую кухню,

¹ подобающим образом (*франц.*).

он не любил трапезничать там, где не мог полностью контролировать приготовление пищи. Такая осторожность развилась у Сергея Васильевича после того, как его однажды пытались отравить, но ни одной душе на свете он не обмолвился о том случае. Для тех сравнительно немногих людей, которые сталкивались с Ломовым вне его работы, он был скучный отставной военный, холостяк, бирюк и медведь, который одиноко жил в своем петербургском доме. Из прислуги Сергей Васильевич держал при себе только денщика, молчаливого и неприметного настолько, что его имя никто даже не удосужился узнать. С точки зрения поверхностного наблюдателя, Ломов не представлял ровным счетом никакого интереса; с точки зрения самого Сергея Васильевича, его жизнь обладала всей необходимой полнотой и совершенно его устраивала. Однако, несмотря на все его ухищрения, ему все же приходилось считаться с кое-какими обстоятельствами, на которые он никак не мог повлиять: например, с родственниками, которые время от времени вторгались в его жизнь и тем или иным образом заявляли на него свои права.

Какой-нибудь досужий философ наверняка уже имел случай заметить, что родственники — это по большей части люди, с которыми нас так мало связывает, что только упоминание о кровных узах мешает нам выставить их за дверь. И в самом деле, большинство своих родственников Сергей Васильевич не жаловал — за исключением тетушки Евдокии Петровны, которая его воспитала. Отец Сергея Василь-

евича скоропостижно скончался, когда Ломов был мальчиком, а мать через некоторое время снова вышла замуж. Нельзя сказать, что она не любила своего сына, но как-то само собой получилось, что Сережа вскоре оказался у тетки, да так у нее и остался. Когда он вырос, мать захотела, чтобы он сделался инженером, как ее второй муж, но Ломов предпочел армию. Тут Евдокия Петровна никак не пыталась на него повлиять, но объявила, что поддержит любое его решение. Она писала ему подробные письма, когда он находился в полку, высылала деньги, чтобы он мог уплатить карточные долги, и сообщала обо всем, что происходило в ее маленьком имении за время его отсутствия. И хотя Ломов был не из тех, кого можно заподозрить в сентиментальности, и вообще остерегался доверять людям, теплое чувство к тетушке он пронес через всю жизнь.

Ныне он считался отставным майором без особых перспектив в жизни, а Евдокия Петровна состарилась и вся поседела, но ее необыкновенные глаза цвета лепестков незабудки все еще напоминали о том, что в молодости она была вовсе не дурна собою. Муж разъехался с ней через полтора года после свадьбы, единственная дочь умерла в раннем детстве, так что всю свою любовь Евдокия Петровна перенесла на племянника, оставив лишь самую малую толику для своих крестников. Несколько дней назад тетушка приехала из имения в Петербург и, несмотря на приглашение Ломова пожить у него, остановилась в гостинице. Деликатность позволила ей обременить

его только одной просьбой: она хотела, чтобы Сергей Васильевич сопровождал ее в гости к одному из крестников, который пригласил ее к себе на вечер и заверил, что будет только рад, если она приведет с собой и своего племянника.

Услышав, чего от него хочет тетушка, Ломов насупился. Он хорошо помнил Василия Истрина, о котором шла речь, потому что в детстве тот жил в соседнем имении. Василий, или, как на французский манер предпочитали называть его родители, Базиль, был на несколько лет старше Ломова, но это обстоятельство вовсе не мешало Сергею хорошенько отколотить его за то, что он нарочно сломал игрушку, которую ему не хотели отдавать. Уже в детстве Базиль претендовал на роль вожака, хотя тогда Сергей видел в нем всего лишь зазнайку и шкодливого мальчишку, который норовит сделать пакость и притвориться, что он тут ни при чем. Уязвленный своим поражением Базиль нажаловался маме, после чего Сергей решил, что пакостный сосед еще и ябеда, и перестал с ним общаться; впрочем, Базиля вскоре отправили в петербургскую гимназию, так что их дороги все равно разошлись. Ломов смутно припомнил, что в своих письмах тетка писала о том, что Базиль сделал нешуточную карьеру, и усмехнулся. Взлет Истрина его не удивлял; удивило бы, пожалуй, обратное — если бы Базиль не добился успеха. Еще когда он был ребенком, он умел втираться в доверие и располагать к себе тех, кто, в отличие от Ломова, не видел его насквозь.

«Интересно, как он выглядит теперь, — подумал Сергей Васильевич и тотчас же поправил себя: — А впрочем, ни черта не интересно. Наверняка такой же старый, лысый и скучный господин, как все в его возрасте. — Ломов был всего на три года младше, но не считал себя старым и уж точно не блистал лысиной. — Тетушку, конечно, он пригласил, чтобы пустить ей пыль в глаза. Если Базиль наводил обо мне справки, то наверняка решил, что я ничего особенного не добился и передо мной тоже можно безбоязненно покрутиться. Видеть его я не хочу, говорить нам не о чем, но отказать тетушке я тоже не могу».

— Он теперь действительный статский советник¹, — подала голос Евдокия Петровна. — Живет в собственном особняке на Гороховой улице. Его первая жена была дочерью генерала Владимира Леонардовича Фрейберга фон Пиркеля.

— Кажется, он рано овдовел, — буркнул Ломов. — Я про Базиля, а не про генерала, само собой.

Евдокия Петровна кивнула. Как и многие женщины, она досконально знала подробности семейной жизни всех своих знакомых и не упускала случая поведать о них. Как и многие мужчины, Сергей Васильевич мало интересовался подобными деталями, но он обладал цепкой памятью, которая выручала его как на службе, так и в доверительном разговоре с тетушкой.

¹ Чин табели о рангах (соответствовал чину генерал-майора в армии).

❧ Валерия Вербинина ❧

— Да, в 26 лет, — ответила Евдокия Петровна на слова своего племянника. — Его жена умерла родами.

— И он нашел себе дочь министра?

Тетушка была женщиной старомодной и плохо понимала сарказм, поэтому она воззрилась на Ломова с легким неудовольствием.

— Да, Базиль женился во второй раз, но его нынешняя супруга вовсе не дочь министра. Ее отец — обыкновенный помещик.

— Странно, — раздумчиво заметил Сергей Васильевич. — Многие помещики после реформы¹ разорились...

Тетушка вздохнула:

— Вряд ли тесть Базиля хоть раз думал о разорении... Он когда-то получил большое наследство от дальней родственницы.

— Ага, — удовлетворенно промолвил Ломов. В глазах его блеснули колючие огоньки. — И конечно, это случилось незадолго до того, как Базиль воспылаал любовью к его дочери.

— Ты не любишь его, — заметила Евдокия Петровна скорее утвердительно, чем в виде вопроса.

— Я никого не люблю, — ответил Ломов, что было чистой правдой.

Тетушка заколебалась.

¹ Имеется в виду реформа 1861 года, отменившая крепостное право.

— Послушай, Сережа... Если тебе не хочется туда идти...

— Не обращайтесь внимания на мое ворчание, тетушка, — поспешно промолвил ее собеседник. — Я пойду с вами к Базилю. Мне и самому любопытно узнать, насколько он изменился...

«...Остался ли он таким же прохвостом, каким и был, или сделался еще хуже», — закончил про себя Сергей Васильевич. Как видим, отставной военный не питал никаких иллюзий относительно людей.

Евдокия Петровна произнесла бессвязную речь о том, что она не собиралась его обременять. Ломов, уже жался о своей резкости, принялся убеждать ее, что он ничего — почти ничего — не имеет против Базиля, его семьи или его благосостояния. Но, пока он говорил, его не покидало неприятное чувство, что мысленно тетушка не перестает их сравнивать и что сравнение получается не в пользу Ломова. Базиль был дважды женат, обзавелся детьми, занимал высокий пост, получал недурное жалованье и вообще производил впечатление баловня судьбы; а Сергей Васильевич... нет, решительно Сергей Васильевич не мог составить ему конкуренцию, по крайней мере в глазах тех, кто не был осведомлен об истинном характере его деятельности.

— Я вовсе не хотела тебя утруждать, — в очередной раз повторила тетушка, — но я очень хорошо относилась к его матери, и я давно не видела Базиля, а он узнал, что я приезжаю, ну и...

Ломов вздохнул и потер лоб. Он предвидел, что вечер у Базиля будет напрасной тратой времени, но раз тетушка хотела туда идти... В конечном счете, ни о чем особенном она племянника не просит. Для него это значит лишь несколько часов в чужом обществе, возможно, не самом приятном, но по службе Сергею Васильевичу приходилось сталкиваться с такими людьми, что по сравнению с ними даже расчетливый прохвост Базиль показался бы ангелом, даром что без крыльев.

— Тетушка, — пробурчал Сергей Васильевич, — я уже сказал, что вовсе не против составить вам компанию... В чем дело?

Вопрос был обращен к денщику, который только что появился в гостиной. Не проронив ни слова, тот подал Ломову маленький запечатанный конверт. Сергей Васильевич вскрыл его и пробежал глазами текст записки, подписанной просто «АК».

— Хорошо, — сказал Сергей Васильевич денщику. — Ответа не будет.

Во время этой маленькой интермедии тетушка с преувеличенным вниманием разглядывала ничем не примечательный узор ковра на полу, противоположную стену, украшенную скучными темно-желтыми обоями, и ножки стола — тоже так себе ножки, по правде говоря.

— Сережа, — нерешительно промолвила Евдокия Петровна, когда денщик удалился, — надеюсь, я не отрываю тебя ни от каких важных дел?

Ее племянник усмехнулся:

— Полно вам, тетушка... Ну какие такие дела могут быть у скучного отставника вроде меня? Так, живем помаленьку, коптим небо...

Тетушка пытливо посмотрела на него и неожиданно даже для себя самой выпалила:

— Это дама?

— Что? — изумился Сергей Васильевич.

— Записка от дамы?

— Тетушка, — проворчал Ломов, — не знаю, с чего вы решили...

— Мне показалось, что от записки пахнет духами, — промолвила Евдокия Петровна, храбрясь, хоть и немножечко жалела, что вообще завела этот разговор.

Сергей Васильевич сердито засопел. Тетушка сидела в кресле, от которого до его стула было примерно семь-восемь шагов, и отставной вояка не мог постигнуть, как на таком расстоянии можно уловить, чем пахнет крошечная записка.

— И потом, — с увлечением продолжала тетушка, — мужчины редко посылают письма на маленьком листочке в маленьком конверте. Даже если им надо черкнуть три строки, они займут целый лист и конверт возьмут побольше...

Тут Сергей Васильевич понял, что его поймали с поличным и вывернули наизнанку, что отрицать происходящее бессмысленно, а отступать некуда, и решил пойти ва-банк.

— Тетушка, это действительно письмо от одной дамы, которую я знаю... Но могу поклясться

вам чем угодно, что... гм... мы с ней просто хорошие знакомые.

— А, — как-то очень неопределенно молвила тетушка и поглядела на племянника таким взглядом, словно хотела прочесть все его мысли, даже те, которые он сам предпочитал не додумывать до конца. — Сережа, ты никогда не рассказывал мне о своих знакомых дамах!

— Да тут и рассказывать нечего, — отозвался Ломов, пожимая плечами. Обычно люди после слов «нечего рассказывать» нагромождают сто этажей хаотических подробностей, но не таков был Сергей Васильевич: его интонация показывала, что увесистая точка в конце фразы бесповоротна и обжалованию не подлежит.

— Жаль, жаль, — промолвила тетушка, качая седой головой и отвечая скорее своим собственным мыслям, чем собеседнику. — Значит, ты заедешь за мной? В котором часу?

Глава 2

Гости

Любой человек, которому посчастливилось бы попасть в гости к действительному статскому советнику Истрину, перво-наперво решил бы, что богатство — очень, очень хорошая вещь. Вазы, картины, зеркала, бронза... а мраморная лестница! А резная мебель! А...

Однако тут, пожалуй, гость неминуемо закручился бы, что все это великолепие принадлежит не ему самому, и не исключено, что черная змея зависти обвила бы его сердце. Принужденно улыбаясь, он бродил бы по комнатам старинного особняка, досадовал на судьбу, которая осыпает своими дарами кого угодно, только не его, и в конце концов, не сдержавшись, мысленно пожелал бы хозяевам дома рухнуть с колеса фортуны как можно ниже — чтобы они разом лишились всего, чем так хотелось обладать ему самому.

Но не таков был Сергей Васильевич Ломов. Отправляясь на вечер, он решил, что воспользуется случаем для того, чтобы лишний раз попрактиковаться в кое-каких рабочих навыках. По долгу службы Ломову приходилось среди прочего заниматься ядами, стрельбой, а также всеми видами фехтования, но в данной ситуации речь шла лишь о невинном психологическом упражнении. Суть его заключалась в том, что по первым фразам тех, кого он увидит, их манерам и внешним признакам Сергей Васильевич должен будет вычислить их характер, привычки, социальное положение и вообще все, что только можно.

«Вероятно, — размышлял Сергей Васильевич, вместе с тетушкой поднимаясь по лестнице истринского особняка, — Базиль сделает вид, что не сразу меня заметил, потом подойдет, будто бы спохватившись, наговорит кучу любезностей, воткнув в них, как иглы в подушечку, несколько колкостей, объявит